

— Сдачу этапа, как обычно, отмечали вечером в измирановской гостинице, которая переехала из двух двухкомнатных квартир в хрущёвской пятиэтажке в отдельное одноэтажное здание - бывший детский сад. Здесь было уже девять комнат - от одно- до пятиместных, да плюс телевизорная, куда при переполнении гостиницы тоже селили, общая кухня на всех и два санузла с душем - женский и мужской.

— Селили в эту гостиницу нас безоговорочно, как своих, с тех пор как Яньшина (завотделом кадров) пожила в нашей квартире.

— Встретив нас как-то в ИЗМИРАНе и узнав, что у нас трудности с поселением, она всплеснула руками:

— - Что же вы ко мне сразу не обратились! - и побежала в АХЧ:

— - Это же калининградцы, наши, измирановские! Они нас так принимали! Их надо в первую очередь селить!

— Разговоры за бутылкой вначале, конечно, крутились вокруг сдачи этапа, Курикши, планов на следующий этап, но тема эта частично исчерпалась ещё по дороге от "Вымпела" до ИЗМИРАНа, и вскоре возбуждение, связанное с дневными переживаниями, спало, разговор стал уходить от текущих рабочих проблем...

— Меня, разумеется, неудержимо тянуло делиться впечатлениями от Диминых (теперь отца Ианнуария) писем, перечитывать их вслух - последние я возил с собой; Новый Завет, подаренный Димулей в прошлом году, тоже таскал во все командировки, благо формат компактный. Слушали меня с интересом... но и только. Стена непонимания была непробиваема.

— Саенко, тот вообще либо быстро хмелел, настолько, что серьёзно говорить с ним было невозможно, либо заводился по каким-либо несущественным моментам, уводя от сути спора, а потом резко сникал, засыпая... С Ивановым же мы порой и до утра просиживали, пока усталость от водки и разговоров не сваливала нас. Но всё это были бесплодные разговоры. Что-то в письмах Димы привлекало Вадима, скорее всего сам слог, красноречивость, страстность. Вникнуть же в содержание на слух, с моего чтения - конечно же было трудно. А сам факт моей увлечённости письмами Димы вызывал у моих слушателей реакцию такого рода: грамотный человек, а в простых истинах запутался, разве неясно, что никакого Бога нет? И это при почтительном признании Диминой эрудиции и высокой культуры - не зря же их там учат, на то она и Академия, хоть и Духовная...

De Leningrado, 24.IV.79.

Alexandro amico gaudere:

propria manuscriptum de hieromonacho Jannuario!

(Другу Александру радоваться: собственноручно от иеромонаха Ианнуария)

— Праздник Светлого Христова Воскресения прошёл замечательно. К тому же я был рукоположен в эту ночь во священники. Так что я теперь поп-миroeд, чем весьма доволен. Правда, сразу и заболел. Совершенно лишился голоса за своё зловердство и вместо сладкозвучия наделён змеиным шипением.

— Всегда очень рад получать от тебя письма. В них приятнее всего то, что ты, с лёгкостью отрешаясь от штампов (за которыми часто очень туманное содержание), указываешь на непосредственное чувство и житейский опыт.

— Я уже написал для тебя нечто вроде письма, но, как и в прошлый раз, отправлю его вослед нынешнему, так как ты указал на новый неясный момент в переписке: понятие свободы. С этим надо сейчас же что-то сделать.

— Ну, а сначала о письме (твоём) вообще.

— 1) Значит, с энергией у нас всё встало на место. Ассоциация - так ассоциация, пусть её остаётся. Твоё замечание о неизмеряемости потенциальной энергии как таковой (содержание вкладывается лишь в понятие разности энергий) меня не совсем удовлетворяет. Если Φ - потенциал, m - масса, то потенциальная энергия $P = \Phi \cdot m$ - величина с "абсолютным" значением и вполне измерима. Наподобие $E = mc^2$ потенциальная энергия в данном потенциале есть просто иное выражение тяжёлой массы, или, ещё лучше, - тяжёлая масса и P суть два разных выражения, две меры одного и того же: гравитационной связанности физического объекта, меры его вовлечённости в целокупное существование физического мира.

Для наивысшего космического потенциала сумма положительной энергии $E = mc^2$ инертной массы и отрицательной энергии $P = \Phi \cdot m$ тяжёлой массы дают ноль: $E + P = 0$; $mc^2 + m \cdot \Phi = 0$ - ничто. Квадрат инвариантной квазибесконечной скорости равен отрицательному потенциалу: $c^2 = -\Phi$. Т.о. у нас есть квазиабсолют, есть от чего отталкиваться в рассмотрении смысла потенциальной энергии.

Как мне кажется, таинственность в конце концов заключается не в измеряемости или неизмеряемости энергии, а в космических инвариантах (в нашем случае - "с"), в данности всего именно так, а не иначе.

— Впрочем, это не моя область. И мне, и тебе ясно, что сущность мира не менее таинственна, нежели явления в мире, что не означает совершенной недоступности и того, и другого моему знанию хотя бы в форме интуиции: ведь я не где-то вне этого мира и его сущности, а в мире, и его сущность - моя сущность.

— Хватит с энергией: здесь мы будем лить из пустого в порожнее.

2) О синонимах. И да, и нет. "Да" ради экономии и взаимопонимания. "Нет" в смысле строгости и принципиальности.

Я не верю в синонимы, если уж строго говорить. Их просто не существует. Есть понятия богатые и бедные.

Так, например, и Козловский и Лемешев берут верхнее теноровое "ля". То есть основной, воспринимаемый на слух тон в обоих случаях именно "ля". Но разве "ля" Лемешева = "ля" Козловского? Это же разные, едва сравнимые вещи.

Или (поскольку речь зашла о рыбной ловле), - я могу сказать (точнее, ты говоришь): "рыбалка" и я могу сказать "процесс извлечения рыбы из естественного водоёма". Разве это одно и то же? Во втором для меня мёртвая схема (бедное понятие), в первом для тебя трепетное многообразие живой реальности (богатое понятие).

Нет, синонимов не существует. Бог - это Бог, материя - это всего лишь материя, и Абсолют - это только Абсолют. Что-то в этих понятиях есть общее, его мы выделяем и говорим, что эти слова синонимичны. Но синонимичны относительно чего? Относительно отцеженного ничтожества, не дающего ни малейшего представления о реальности.

Язык - богатство, в котором нет ничего лишнего, ничего дублирующего. Мы им можем плохо пользоваться - это другое дело. Но это уже наша вина.

Конечно, это к делу не относится.

3) А вот омонимов расплодилось, увы, более чем достаточно. Они-то и вносят путаницу и непонимание. Говорят одно слово, а понимают разные вещи. Так, по-видимому, и со словом "свобода".

Если открываешь философский (марксистский) словарь, то находишь краткое определение: "свобода есть осознанная необходимость". В этом определении три обращающих на себя моё внимание момента.

— I. Свободы как абсолютного понятия не существует (и ты ведь тоже пишешь, что абсолютный смысл понятия свободы тебе неясен, - а может быть его и нет?). Если свобода, как понятие, неабсолютна, то - условна. Поскольку антитезис к свободе - необходимость, постольку свобода может пониматься либо как

— 1) отсутствие необходимости (это с точки зрения марксистов невозможно, так как в этом случае устраняется их "догмат" об абсолютной необходимости), либо как

— 2) нечто, пребывающее в недрах инобытия необходимости; т.е. свобода есть та же необходимость (её частный случай), но претерпевшая качественное изменение.

— II. Своё инобытие бытие получает только в духе (сознании) (за человеком всё же оставляется право быть странным прыщиком на чистом теле необходимости). Поскольку дух есть продукт той же необходимости, постольку свобода есть снятие напряжения между бытием и инобытием, что совершается в диалектическом процессе познания (отсюда пафос научного и социального прогресса).

III. Эта остроумная и логически (почти) безупречная схема достигает своей абстрактной красоты за счёт двух жертв (на поверку - за счёт одной): за счёт деперсонализации бытия (нет Личного Бога) и за счёт деперсонализации человека (нет личности человека).

— Так определяет свободу вещная, безличная философия. Собственно, она с большим удовольствием обошлась бы и без слова "свобода" вообще, но исторически так сложилось, что её проповедникам (будь то Спиноза или марксисты) пришлось отстаивать именно личную свободу для проповеди своей философии несвободы. В этом парадокс.

— Но иного определения свободе безбожная философия дать и не может. Это - лучшее, на что она была способна, действительно логический шедевр (без всякой иронии). (Сама фраза несамостоятельна, она взята у Гегеля. Но там это всё имеет другой смысл.)

— Тот факт (повсеместный), что это определение принимается людьми с трудом (да и то на чисто ментальном уровне, и никогда - сердцем) свидетельствует не о его слабости, а о слабости всей философской системы диамата (как и пантеизма). Человек не хочет, да и не может чувствовать себя безличной условностью, лишённой самостоятельного начала и значения.

— Для меня догмат - совершенно противоположное. Причём именно догмат (а не "догмат"), т.е. нечто, близкое моему сердцу, интуитивно данное, и уже после постигаемое рассудком и "оправдываемое" философией.

— Первое, что мне сейчас приходит в голову, - это Достоевский. Чтобы не распинаться на эту тему, процитирую его "Записки из подполья". Хотя и известная вещь, но лучше мне всё равно не сказать.

— "Да осыпьте его (человека) всеми земными благами, утопите в счастье совсем с головой, так, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, как на воде; дайте ему такое экономическое довольство, чтобы ему совсем уж ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о непрекращении всемирной истории, - так он вам и тут, человек-то, и тут, из одной неблагодарности, из одного пасквиля мерзость сделает. Рискнёт даже пряниками и нарочно пожелает самого пагубного вздора, самой неэкономической бессмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему этому положительному благоразумию примешать свой пагубный фантастический элемент. Именно свои фантастические мечты, свою пошлейшую глупость пожелает удержать за собой единственно для того, чтобы самому себе подтвердить (точно это так уж очень необходимо), что люди всё ещё люди, а не фортепьянные клавиши, на которых хоть и играют сами законы природы собственноручно, но грозят до того доиграться, что уж мимо календаря и захотеть ничего нельзя будет. Да ведь мало того: даже в том случае,

если он действительно бы оказался фортепьянной клавишей, если б это доказать ему даже естественными и науками и математически, так и тут не образумится, а нарочно напротив что-нибудь сделает, единственно из одной неблагодарности; собственно чтоб настоять на своём. А в том случае, если средств у него не окажется, - выдумает разрушение и хаос, выдумает разные страдания и настоит-таки на своём! Проклятие пустит по свету, а так как проклинать может только один человек (это уж его привилегия, главнейшим образом отличающая его от других животных), так ведь он, пожалуй, одним проклятьем достигнет своего, то есть действительно убедится, что он человек, а не фортепьянная клавиша! Если вы скажете, что и это всё можно рассчитать по табличке, и хаос, и мрак, и проклятие, так уж одна возможность предварительного расчёта всё остановит и рассудок возьмёт своё, - так человек нарочно сумасшедшим на этот случай сделается, чтобы не иметь рассудка и настоять на своём! Я верю в это, я отвечаю за это, потому что ведь всё дело-то человеческое, кажется, и действительно в том только и состоит, чтоб человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик! хоть своими боками, да доказывал; хоть троглодитством, да доказывал...

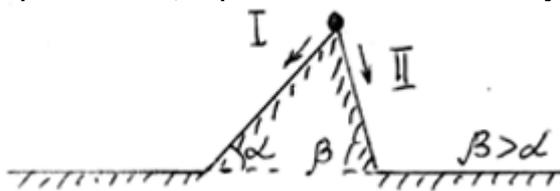
— Вы кричите на меня (если только ещё удостоите меня вашим криком), что ведь тут никто с меня воли не снимает; что тут только и хлопчут как-нибудь так устроить, чтоб воля моя сама, своей собственной волей, совпадала с моими нормальными интересами, с законами природы и с арифметикой. (Это самое смешное: как раз "осознанная необходимость" - прим. о. Ианн.)

— Эх, господа, какая уж тут своя воля будет, когда дело доходит до таблички и арифметики, когда будет одно только дважды два четыре в ходу? Дважды два и без моей воли четыре будет. Такая ли своя воля бывает!"

— А теперь сравни это со статьёй из Философского словаря. Да вот хотя бы из IV т. ФЭ, статья "Свобода" Р. Гароди.

— Диаматовское понятие о свободе можно проиллюстрировать таким примером.

— В физике говорят о "свободном падении". Вот когда камень падает на землю, то степень его объективной свободы зависит от числа препятствий падению. Субъективно же чувство свободы может появиться у камня тогда, когда он осознаёт своё падение именно как "свободное падение". Диамат, правда, делает уступку произволу сознательного камня и признаёт относительную свободу выбора: падать так или эдак. Самый сознательный камень будет выбирать такой путь падения, на котором встречается минимум препятствий, ограничивающих "свободу" его полёта.

Глупый камень будет падать путём I, а сознательный - путём II, и будет более свободен. Далее, правда, встанёт вопрос телеологического порядка, который смущает материалистов, почему они и находят целесообразным вычёркивать телеологию из своего философского рассмотрения. Ведь камень падает лишь потому, что у него есть цель и источник его падения - сама земля. Бесцельным и безначальным его "свободный полёт" быть не может. А если стимулирующая цель всё же существует, то что будет, когда эта цель будет достигнута? Разумеется, тогда и полёт, а вместе с ним и каменная "свобода" исчезнут.

Посему приходится говорить о том, что там появится новая цель, указывающая новые перспективы "свободе" и т.д., и т.д. до дурной бесконечности, в которой нет уже ни конца, ни начала, ни цели, где и падение оказывается поэтому мнимым, и все философские построения, весь этот шабаш свободы как необходимости разлетается в прах.

Ну, а если не додумывать всего этого честно до конца, то остаётся вот этот простой символ: Падение камня на землю и есть образец свободы.

___ Нет, для моего самочувствия свобода - это не совпадение моего хотения с принудительной властью необходимости. Конечно, такое совпадение избавило бы меня от страданий и от всех вопросов; так, вероятно, и есть у неодушевлённых предметов. Для живых же и чувствующих тварей такая гармония представляется фантастической.

___ Для меня фраза "свобода есть осознанная необходимость" имеет действительный смысл только в абстрактном признании своей несамобытности (я откуда-то "взялся", какая-то необходимость вызвала меня из небытия в бытие, моё бытие включает в себя моё сознание; следовательно, моё сознание, в котором я чувствую и свою свободу, есть возможное порождение природной необходимости). Но это признание абстрактно, ничего нового не вносит в моё содержание, оно мне неинтересно, его никак нельзя использовать, в конце концов, неизвестно ещё, так ли это и т.д.

___ Определить свободу - дело нелёгкое. Лучше всего внутренне проследить связанное с этим понятием чувство и затем произвести индукцию.

___ И первое, что мне достаточно ясно, - это то, что свобода - именно не необходимость. В моей обыденной жизни свободу я понимаю как

___ 1) безусловную возможность ставить перед собой (и перед другими) произвольные цели;

___ 2) безусловную способность произвольного осуществления поставленной цели.

___ Первое я называю свободой воли (хотения), второе - свободой действия.

___ Например, я имею желание (волю), - обусловленное, кстати, моей природой, - желание выпить и закусить.

___ 1а) я могу поставить себе цель удовлетворить этому стремлению;

___ 1б) я могу поставить себе цель не удовлетворять этому стремлению. В возможности непринужденного выбора между 1а и 1б состоит степень свободы моей воли. Часто эта свобода ничтожна, моё природное хотение столь сильно, что шанс поставить себе цель 1б очень мал, но всё же существует. Ущемлённость свободы воли я могу назвать не иначе как рабство у своей природы, иногда это рабство мне тягостно, иногда - сладостно.

___ Далее

___ 1а распадается на

___ 2а) решившись выпить, я тем или иным способом достигаю этой цели;

___ 2б) несмотря на все мои усилия, цели я достигаю лишь с трудом и ограничениями, либо не достигаю вообще.

___ (То же касательно 1б)

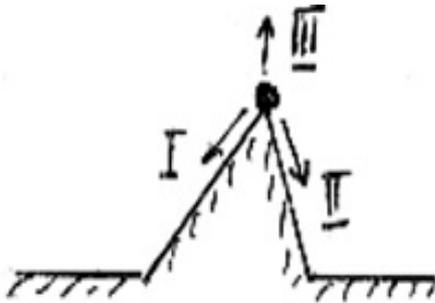
___ Ущемлённость свободы действия выступает как рабство у каких-то там обстоятельств, являющихся для меня как необходимость. Надо сказать, что это рабство мне всегда в тягость.

___ Как видно, большая часть разговоров о свободе и борьбы за свободу в мире сводится к борьбе за 2а при само собой разумеющемся выборе 1а.

___ Невозможно отрицать желательность такой свободы (в известных пределах). Но очевидно также, что эта свобода часто идёт во вред себе и другим, что эта свобода может надоест, что эта свобода вовсе не дарует той полноты блаженства, какая от неё ожидается...

___ Ну выпил, закусил, ..., а дальше что?

___ Однако, при всей банальности этой свободы, сравнение её со свободой камня, падающего на землю, даёт мне новое понятие, - понятие личности.

Камень не может даже предположить возможности сопротивляться притяжению земли. Такой возможности для него в природе не существует. Человек - существо, которое имеет возможность следовать своей природной воле или сопротивляться ей.

— Схематически: человеку дана ещё свобода избирать цель III.

— Иной вопрос - сможет ли он осуществить задуманное. Но совершенно очевиден некий суд над необходимостью. Это уже что-то совершенно лишнее, никакой необходимостью не объяснимое. Это - война необходимости, хотя бы в виде внутреннего протеста. И сознание именно особенности не позволяет человеку принять сердцем определение диамата.

Свобода - не есть субстанция. Свобода - это состояние, свойство. Та субстанция, которой это состояние свойственно, - и есть собственно суб - станция, ипо-стась, т.е. личность в христианском понимании (термины, конечно, условны, просто приняты, но обозначают то, что каждый в себе ощущает как "моё личное бытие и сознание"). Свобода может быть только у личности. Личность же - носитель свободы. Так личность и свобода неразрывно связаны. Нет личности - нет свободы. Нет свободы - ущемлена личность.

Личность не определяется никакими природными свойствами (свобода - не природное свойство, это нечто уже над природой, судящее природу). Поэтому личность вообще никак не определяется. Она абсолютно дана человеку как его собственно человеческая данность. Она столь же неопределима как наша пресловутая энергия. Она, возможно, на базе природы, но уже не ограничивается природой. Это не означает её безформенности и непознаваемости. Ведь она у меня есть - эта личность, обладающая свободой. Это я сам; не моя рука или нога, не моё желание или чувство... Всё это принадлежит моей личности, но сама она над всем этим.

Личность нельзя определить, её можно лишь показать.

Вот наугад у Лосского:

"Личность есть свобода по отношению к природе: она не может быть никак обусловлена психологически или нравственно. Всякое свойство (атрибут) повторно: оно принадлежит природе, и мы можем его встретить и у других индивидуумов, даже определённое сочетание качеств можно где-то найти. Личностная же неповторимость есть то, что пребывает даже тогда, когда изъят всякий контекст, космический, социальный или индивидуальный - всё, что может быть выражено. Личность несравненна, она - "совершенно другое". Плюсуются индивидуумы не по личности. Личность всегда "единственна". Понятие объективирует и собирает. Поэтому только методически деконцептуализируемая отрицанием мысль может говорить о тайне личности, ибо этот ни к какой природе не сводимый "остаток" не может быть определён, но лишь показан".

(Догм. богословие, стр. 140)

(завтра продолжу) Vale

Ленинград, 28 апреля 1979 г.

Вчувствываясь в предложенное определение свободы и размышляя над ним, мы не можем не прийти к выводу, что эта свобода практически осуществима в весьма скромных пределах. Хуже того, сама эта свобода не имеет абсолютного значения, так как эта

свобода - всего лишь свобода выбора, а выбор предусматривает выбираемое. Значит с самого начала здесь свобода - именно несвобода. "Хочу выпить" (данное природное состояние) предшествует выбору "выпить или не выпить". Или наоборот, если в основе выбора лежит не активность, а пассивность: "я не хочу пить, но меня принуждают" предшествует выбору "подчиниться или отвергнуть принуждение". Об ограниченности путей реализации свободы воли (о свободе действия) и напоминать не стоит.

— Вот анархисты, добиваясь свободы для своего произвола, совершают террористические акты (ограничивают чужую свободу), скажем, в самолётах. Общество, охраняя свою свободу (хотя бы воздушного передвижения) от их произвола, вводит меры предосторожности в аэропортах: производится паспортная регистрация пассажиров (невозможно инкогнито), проверка багажа (нарушаются права личности), в известных случаях может последовать и полный запрет передвижения по определённым маршрутам. Так свобода оборачивается несвободой. Примеров этому не счесть, начиная от революций и их последствий и кончая мелочами домашней жизни каждого человека. Твоими словами: так и хочется брякнуть "свободы не было и нет и не надо её". И, конечно, это - шутка. Пусть свобода, которую ищет человек на эмпирических путях своей жизни, куца и относительная, она всё же реальность, с которой следует считаться ради своего же относительного блага. Просто надо быть рассудительным и осторожным, и не следует забывать именно относительный и диалектический характер этой свободы, и не следует ждать от неё блага абсолютного: реализация такой свободы всегда чревата своей противоположностью.

— И это понятно само собой, не требовало даже столь пространных рассуждений. Всё дело в том, что человек, кроме того, что он - существо личное, ещё просто-напросто существо индивидуальное. Атом же (ин-дивидуум) только потому и атом, что он соотнесён со множеством других атомов, выступающих для него как чужие объекты. Твоя активность вызывает немедленное активное же сопротивление (результат ато-марности, отчуждения), порождающее страдание. У Гегеля где-то есть: соотнесённость субъект-объект (состояние отчуждения) имеет в действительности или в потенции только два модуса: Knechtschaft (рабство) либо Herrschaft (господство). Так, свобода, которую мы до сих пор рассматривали, стремится к господству (над своей и чужой природой как объектами). В действительности господство отчуждения не устраняет и способно породить лишь новое рабство.

— Нет, не такой свободы ищет моя душа. Я хочу свободы (абсолютной реализации моей личности) как полной независимости, в том числе независимости от навязанного мне выбора, то есть свободы именно как свободы, а не необходимости. Какими путями это может произойти? Не претендуя на полноту, вот несколько предлагаемых известных вариантов:

—1) Регуляция субъект-объектных отношений на пути оптимальности, то есть приведение механизма природы в равновесно-гармоническое состояние (разумный эгоизм, коммунизм и т.п.). Поскольку это путь полного отрицания личности как принципа абсолютной свободы, - меня это не удовлетворяет. Даже смешно говорить об этом. Это путь узаконения отчуждения и несвободы, статистически оформленных.

—2) Подчинение личности природе (человек по природе добр, назад к обезьянам, гармоническое "слияние" с природой, сотни вариантов руссоизма, нищезанства, романтики). Совершенно наивная и ирреальная задача, скорее предмет для поэтических вздохов и анархических притязаний, чем предмет серьёзного внимания.

—3) Непротивление. У Толстого - узаконение пассивного страдания. У буддистов более последовательно: умерщвление источника несвободы (как они полагают, источника выбора, - воли. Личности как таковой для Востока не существует (они отождествляют её с природной волей, с хотением); это - таинственное самоистребление воли. Здесь свобода достигается ценой отказа от жизни. Жизнь полна страданий. Они делают странный логический скачок: жизнь - страдание. Значит от жизни надо отказаться. Логика

элементарна, но в своей элементарности полна противоречий. Это не стоит труда показать, но сейчас я даже не хочу на этом останавливаться. Чтобы покончить с буддизмом, мне достаточно моего отвращения к смерти. Я хочу жить и иметь действительную свободу в жизни, а не от жизни. Каждому - своё.

___4) Эллинистические рецепты (гедонисты, циники, стоики), общим знаменателем которых является отказ от этической оценки всего происходящего, бесстрастное равнодушие (атараксия). Стрдание имеет своим коррелятом страх. Страх за себя, страх за других (жалость). Обратная сторона страха - надежда на спасения. Свобода от страдания - свобода от страха, жалости и надежды. Её надо в себе воспитывать. Она - показатель достоинства человека. Логический (а часто и практический) предел такой свободы - культ беззаботного (гомерического) смеха и самоубийства. Европейский вариант буддизма, социально-географические узкие рамки которого слишком очевидны, чтобы его рецепты стали универсальными. Об этом хорошо пишет Аверинцев. Прочитую немного. Он рассуждает об античном Востоке и Западе.

___"На пространствах старых ближневосточных деспотий был накоплен такой опыт нравственного поведения в условиях укоренившейся политической несвободы, который и не снился греко-римскому миру.

___Чтобы схватить специфику ближневосточного опыта, полезно для контраста вспомнить античный идеал духовной свободы перед лицом гонителей - идеал Сократа. Идеал этот получил посмертное литературное воплощение в платоновской "Апологии". "Не шумите, афиняне... ", - каждый, кто читал это хоть один раз, запомнил прочитанное на всю жизнь. "Разоблачать" или "снижать" образ Сократа, развенчивать присущие ему черты редкого духовного благородства, лишать его места среди нравственных ориентиров человечества - дело не только несправедливое, но и тщетное: Сократ останется тем, что он есть. Совсем иное дело - проследить предпосылки такого свойства античной культуры, как её "пластичность". Афинский мудрец твёрдо знает, что его могут умертвить, но не могут унижить грубым физическим насилием, что его размеренная речь на суде будет длиться столько времени, сколько ему гарантируют права обвиняемого, и никто не заставит его замолчать, ударив по лицу или по красноречивым устам (как это случается в новозаветном повествовании с Иисусом и с апостолом Павлом). Когда Сократ невозмутимо берёт в руки свою чашу с цикутой - это высокий жест (слово "жест" употреблено здесь отнюдь не в смысле театрального, показного и постольку "ненастоящего" действия, но скорее как соответствие немецкому слову *Haltung*; то же относится ниже к словам "поза" и "осанка"); но излучаемая таким жестом иллюзия бесконечной свободы духа обусловлена социальными гарантиями, которые предоставляет полноправному гражданину свободная городская республика. Сохранять невозмутимую осанку, соразмерять модуляции своего голоса и выявляющие себя в этих модуляциях движения своей души можно перед лицом смерти, но не под пыткой. Ещё Сенеке на заре имперской эпохи разрешили собственноручно вскрыть себе жилы и в последний раз продемонстрировать зрелище "атараксии" - высокопоставленный стоик продолжал быть актёром, с согласия убийц доводящим до конца свою роль; но иудеи, которых в массовом порядке прибавали к крестам солдаты Веспасиана, или те малоазийские христианки, которых по неприятному долгу службы подвергал пытке эстет и литератор Плиний Младший, находились в совершенно иной жизненной ситуации. Что касается ближневосточного мира, то в его деспотиях к достоинству человеческого тела искони относились иначе, чем это допускало гражданское сознание греков. Даже приближённый персидского государя должен был простираться перед ним...; в случае опалы этот приближённый мог быть посажен на кол. Пророк Исайя... был заживо перепилен деревянной пилой. Такая казнь, как распятие, применялась в греко-римском мире к рабам и прочим неполноправным людям, но на Ближнем Востоке хасмонейский монарх Александр Яннай мог сотнями отдавать на распятие почитаемых наставников своего народа из числа фарисеев. Восточный книжник, мудрец или пророк, восточный вельможа,

даже восточный царь ... все они хорошо знали, что их тела не гарантированы от таких надругательств, которые попросту не оставляют места для сократовской невозмутимости. Постепенно подобные нравы становились характерными и для Средиземноморья. Разгул пыток во времена Тиберия и Нерона, выразительно описанный Светонием и Тацитом, - только прелюдия. ...

— В социальных условиях ближневосточный или византийской деспотии классическое античное представление о человеческом достоинстве оборачивается пустой фразой, а истина и святость обращаются к сердцам людей в самом неэстетичном, самом непластическом образе, который только возможен, - в потрясающем образе "Раба Яхве" из 53-й главы ветхозаветной "Книги Исаяи", явившем собой для христиан подобие Христа ...

— Взглянул в текст через несколько страниц, и не удержусь от дальнейшего цитирования, - настолько близко это касается нашей темы. Тем более, что, как всегда у Аверинцева, - изложение здесь более апеллирует к интуиции, чем к философскому размышлению.

"... Между учениками Сократа был Аристипп Киренский, основатель гедонизма, учивший наслаждаться всем и не связываться ни с чем; в его руках философия превращается в искусство непринуждённого смеха, но последователь Аристиппа Гегесий по прозвищу ("Убеждающий умирать") сделал из жизнерадостной доктрины чёткие выводы: цель жизни - свобода от страдания, а наиболее полную свободу от страдания даёт смерть. Рассказывают, будто слушатели лекций Гегесия спешили осуществить его учение на практике, так что лекции были прекращены по приказу Птолемея Филадельфа; если это придумано, то неплохо придумано - проповедь смеха и впрямь очень органично переходит в проповедь самоубийства. Ирония и добровольная смерть - две возможности, составляющие привилегию человека и недоступные зверю, - в своей совокупности являют предельную гарантию человеческого достоинства, как его понимает античность. В особенности гражданская свобода решимостью убить себя в нужный момент; слова римского поэта Лукана "мечи даны для того, чтобы никто не был рабом", по наивному недоразумению выгравированные якобинцами на саблях Национальной Гвардии, имеют в виду не тот меч, который направлен в грудь тирана, а тот меч, который поражает грудь своего владельца. Свобода Афин духовно утверждена в час своей гибели через самоубийство Демосфена, свобода Рима - через самоубийство Катона Младшего, Брута и Кассия.

— По мнению Сенеки, осудить "насилие над собственной жизнью" - значит "закрыть дорогу свободы"; тот, кто открывает своей крови выход из жил, открывает самому себе выход к свободе. Понятно, что этот специфический запах крови, растекшейся по ванне, античная свобода приобретает только во времена цезарей. Однако, внутреннюю смысловую связь с нравственной возможностью самоубийства она имела искони.

— Самоубийство при надобности становилось последним и завершающим жестом в той череде социально значимых жестов, которую представляла собою жизнь "великого душою мужа". Социальной значимостью и оправдана подчас невыносимая для нас эстетизированность этого акта, который полагалось совершать предпочтительно на людях, сопровождая внушительной сентенцией. "Тразея уводит в спальный покой Гельвидия и Деметрия; там он протягивает обе руки, чтобы ему надрезали вены, и, когда из них хлынула кровь, кропит ею пол, подзывает к себе квестора и говорит: "Мы совершаем возлияние Юпитеру Освободителю; смотри и запомни, юноша".

— Каким укором звучит замечание того же Тацита о заговорщиках, которые убили себя, "не свершив и не высказав ничего достопримечательного".

— Нет ничего более противоположного образу Раба Яхве, как его описывает

цитированная выше 53-я глава Книги Исаяи: "Как овца, ведён был он на заклание, и, как агнец пред стригушим его безгласен, так он не отверзал уст своих". Это же молчание, этот же отказ от красноречия перед лицом смерти мы встречаем и в евангельском рассказе о суде над Иисусом. ... Когда суд "неправеден" и человек отчётливо видит свою незащищённость, когда слово всё равно не будет по-человечески расслышано, только молчанием ещё можно оградить последние остающиеся ценности. ... Для эллинов ... отсутствие красивых предсмертных изречений Учителя - просто глупость, доказательство невысокого духовного полёта новой религии. ..."

— "Мы видели, как обстоит дело в мире античного язычества - в мире смеющихся богов и убивающих себя мудрецов, в мире героической непреклонности и философской невозмутимости, бескорыстной игры и бесцельного подвига; в мире, где высшее благо - ничего не бояться и ни на что не надеяться. Если мы приглядимся к этому миру попристальнее, мы заметим любопытную его особенность: по своей смысловой структуре он похож на круг, у которого нет центра. В самом деле, во главе эллинского Олимпа, как известно, стояли верховные "двенадцать богов"; но число двенадцать в общечеловеческой символике мифа, ритуала и таинства означает зодиакальный круг, описанный около некоего трансцендентрующего этот круг центра; двенадцать не сами по себе, но всегда вокруг Единственного (домы Зодиака вокруг Солнца, сыновья Иакова вокруг своего отца, апостолы вокруг Христа, наконец, паладины вокруг короля Артура или Карла и т.п.). Но вокруг кого собираться олимпийцам? В центре нет никого; ведь Зевс, "отец богов и людей", - сам всего лишь один из двенадцати. Свято место, вопреки пословице, оставалось пусто, и философы вольны были водружать в этой умопостигаемой пустоте свои абстракции "Блага" или "Единого". ... Что касается усилий религиозно настроенных философов, то история идеализма убеждает нас в полной возможности для абстракции оказаться объектом самых неподдельных мыслительных экстазов; чего абстракция не может, так это сообщить чувство конкретного обладания верховной ценностью.

— Коль скоро верховной ценностью нельзя реально обладать, на место заинтересованности в абсолютном становится абсолютная незаинтересованность, т.е. в идеале свобода от страха и надежды - этическое соответствие того пустого центра, вокруг которого строится мир олимпийцев. Только так делается возможным идеал атараксии; только так и никак иначе. Ибо стоит представить себе, что всё обстоит наоборот: что человеку дано как дар и задано как задача конкретное обладание абсолютной ценностью, стоящей в самом центре ценностного круга; что обладание это можно навсегда обрести, но можно и безвозвратно утратить; что, следовательно, все поступки и все события в жизни человека и в истории человечества так или иначе соотносятся с перспективой абсолютного спасения или абсолютной гибели, приближая либо то, либо другое, и в этой перспективе получают смысл, неизмеримо перевешивающий весомость их пластического обличья, - коль скоро всё это представляется так, для этики и эстетики высокого жеста, отрешённого смеха и благородного презрения просто не остаётся места. Если только абсолютную ценность и впрямь возможно "стяжать", то не домогаться её ... со страхом и надеждой ... - уже не героическое величие духа, но скорее нечувствительность души, её "ожесточение".

— Конечно, словосочетание "абсолютная ценность" - это наше, новоевропейское выражение; ранее христианство говорит на ином языке. Но как раз то, что слово "ценность" связано с меркантильным кругом представлений, совсем неплохо; соответствующие евангельские притчи тоже апеллируют к образам алчного стяжания. "Подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое найдя, человек утаил, и от радости о нём идёт и продаёт всё, что имеет, и покупает поле то. Ещё: подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошёл и продал всё, что имел, и купил её". ...

— ... Евангелие осуждает самую невинную заботу о завтрашнем дне. "Итак, не заботьтесь и не говорите: "что нам есть?", или "что пить?", или "во что одеться?". Почему,

собственно? Никоим образом не потому, что состояние сосредоточенной озабоченности само по себе неизящно или низменно, или недостойно мудрого; образ купца как раз и есть парадигма такого состояния. Цель не в достижении принципиальной беззаботности по отношению ко всему вообще - беззаботности героической или кинической, или просто игровой. Цель, напротив, в полном сосредоточении ума и воли на одной заботе: как стяжать и сберечь "жемчужину"? По своему смыслу христианское "не заботьтесь" прямо противоположно эллинской невозмутимости. С точки зрения стоика или киника, нужды и потребности единичной человеческой жизни до того ничтожны, что о них не стоит беспокоиться даже человеку; с библейской точки зрения они до такой степени важны, что ими непосредственно занимается Бог в акте своего Провидения ...

_____ Чудо по определению направлено не на общее, а на конкретно-единичное, не на "универсум", а на "я" - на спасение этого "я", на его извлечение из-под вещной толщи обстоятельств и причин. Надежда на то, чтобы быть "услышанным" сквозь всю космическую музыку сфер и не быть забытым в таком большом хозяйстве, надежда не потеряться ("... а у вас и волосы на голове все сочтены ..."), - эта надежда в корне исключает философское утешение Марка Аврелия, призывавшего принять как благо именно затерянность в безличном ритме природы. Против стоической максимы "стремление к невозможному безумно" стоят слова апостола Павла: "сверх надежды надежда".

_____ Так у С.С. Аверинцева. Думаю, что лучше его о невозможности, да и бессмысленности абсолютного понятия свободы вне христианства никто не писал. Свобода без веры в Бога - сомнительная мнимость. В лучшем случае это свобода смерти.

_____ Перед последним штрихом в нашем определении свободы позволю себе ещё процитировать касающиеся сюда слова Гегеля, которыми он открывал свои знаменитые лекции:

_____ "Религия - это та сфера нашего сознания, в которой решены все загадки мироздания, устранены все противоречия глубокой мысли, стихает вся боль чувства; она есть сфера вечной истины, вечного покоя, вечного мира ... Все многообразные формы и всё сложное переплетение человеческих отношений, деяний, наслаждений, всё то, что человек ценит и чтит, в чём он видит своё счастье, славу и гордость, - всё это находит своё высшее завершение в религии, в мысли, в сознании, в чувстве Бога. Поэтому Бог есть начало и конец всего. Всё исходит из этой точки, и всё возвращается к ней; Бог есть то средоточие, которое во всё вносит жизнь, одухотворяет и оживляет все формообразования жизни, сохраняя их существование. В религии человек ставит себя в определённое отношение к этому средоточию, которое поглощает все другие его отношения; и тем самым он поднимается на высшую ступень сознания, в сферу, которая свободна от всякого соотношения с иным, полностью самодостаточна, безусловна, свободна и есть конечная цель самой себя.

_____ Поэтому религия, как погружение в эту конечную цель, совершенно свободна и есть самоцель, ибо к этой конечной цели возвращаются все другие цели, и то, что ранее имело значение для себя, исчезает в ней. Ни одна цель не выдерживает противопоставления ей, и только в ней они находят своё завершение ...

_____ Здесь сознание абсолютно свободно и само есть истинное сознание, ибо оно есть сознание абсолютной истины. Определённое как чувство, это отношение свободы есть наслаждение, которое мы называем блаженством; в качестве деятельности оно направлено лишь на то, чтобы свидетельствовать о славе Божией и обнаруживать величие Бога ...

_____ Все народы знают, что именно религиозное сознание есть та сфера, где они обладают истиной, и в религии они всегда видели своё достоинство и праздник своей жизни".

_____ (продолжу вскоре)

_____ Vale, целую твой Ианнуарий.

— Ленинград, 30 апреля 1979 г.

— Даруемую религией свободу легче всего объяснить (равно как и чувство счастливой обеспеченности, мира, бесстрашия, одним словом, - блаженства, ею даруемого) чем-то вроде лёгкого помешательства, галлюцинации. Конечно, для верующего подобные объяснения (а иных я не слышал) - пустой звук и ветра завывание; он на них просто не реагирует, тем более, что такие слова как галлюцинация, внушение - просто штампы, равным счётом никакого существенного содержания не раскрывающие. Люди думают, что если они непонятное назовут ещё менее понятным, но привычным словом, - всё разъяснится само собой. Но если под этими словами понимается некое отклонение от психобиологической нормы, то по меньшей мере странно, как до сих пор не выродился людской род, весь поголовно на протяжении многих тысячелетий страдавший этим расстройством. Вырождение заметно обозначается в последнее столетие (достаточно посмотреть на ошеломляющую статистику самоубийств, психических заболеваний типа шизофрении и паранойи, преступности, алкоголизма и т.п., - всё это, само собой разумеется, на 99 % среди неверующих). Не желая делать вывод, я всё же замечаю корреляцию этого с ростом безбожия.

— Ну, а человеку трезво и более научно мыслящему (т.е. привыкшему к научной методологии опытного апробирования, доверия очевидцам, а не слухам и т.п.) может стать ясным, что здесь мы имеем дело с реальностью, не умещающейся в примитивные толкования скептиков. Верующий утверждает, что чувство свободы (блаженства) он получает в меру своего личного общения с Личным Богом. Итак, человек либо входит в такое общение, либо не делает этого. Последнее может происходить по разным причинам, но сейчас это неинтересно, так же как неинтересен и сам факт отсутствия общения с Богом: отсутствие и есть отсутствие, и ничего больше, никакого содержания в себе отсутствие не несёт. С некоторых пор меня стала интересовать лишь жизнь, наполненная конкретным и абсолютным содержанием, т.е. не "отсутствие", а именно "присутствие". И безусловная самодостаточность этой позиции для меня самоочевидна.

— В конце последнего письма я приводил слова Гегеля о религии как "празднике жизни".

— Мало писателей, ещё меньше философов, - но каждый простой верующий, способный понять эти слова Гегеля, подпишется под ними, и, если потребуется, своей жизнью. После этого их можно обвинять в галлюцинировании, в притворстве, в чём угодно ... Все эти обвинения для них - ничто, ибо они знают, а обвинители не знают. Логика же применима к знанию, а не к незнанию. Последнему вообще подобает молчание.

— Поэтому справедливо в древности говорилось: "Философия - служанка богословия" - она облакает в разумные категории знание. Поскольку до "просветителей" незнание не возводилось на пьедестал знания, в этой фразе никто не находил ничего оскорбительного. С этой фразы я обычно и начинаю свои лекции по основному богословию и по логике, добавляя только: истинная философия - служанка богословия.

— Знать Бога. Конечно, - это не значит читать и понимать богословские и философские книжки. Тот же Гегель пишет, что это было бы подобно тому, как если бы собака, грызущая книги, сочла себя после этого учёной особой. Знать Бога - это значит вступить с Ним в личную связь (religio), т.е. познакомиться и общаться (как человек с человеком).

1 мая 1979 г.

— Итак, мы выяснили соотношение:

— Необходимость = _____ полная внешняя принудительная определённость воли и действия.

— Свобода - нечто противоположное необходимости.

— Свобода в этом случае абстрактно понимается и достигается как

- ___1) непринуждённая определённая воли и движений ("осознанная внешняя необходимость");
- ___2) неопределённость волевых устремлений (спонтанность, разгул произвола: здесь личное сознание и оценка вообще исключаются из рассмотрения);
- ___3) отсутствие предмета необходимости (воли), т.е. в пределе - смерть;
- ___4) произвольный личный выбор между двумя противными волевыми актами (делать или не делать то, что я хочу).

___ Кажется, все логические возможности. Но все эти возможности неудовлетворительны:

- ___1) превращает человека в покорного раба природы (именно приводит к несвободе, см. Достоевского);
- ___2) стремясь к господству над всеми обстоятельствами, человек наталкивается на их неизбежное сопротивление, да к тому делает из человека какой-то хаос, а мы говорим именно о разумном человеке, а не о немыслимом комке волевой спонтанности;
- ___3) с водой выплёскивается младенец: оттого, что в жизни есть что-то дурное, не следует, что жизнь есть что-то дурное;
- ___4) сам выбор зависит от наличия того или иного волевого акта, т.е. определяется им (развилка и светофор - ещё не свобода, уж скорее свобода - прямая дорога и зелёный свет).

Остаётся предположить, что 1) либо свобода вообще недостижима, 2) либо определение свободы неверно.

Личный опыт, интуиция подсказывают мне второе предположение:

Свобода - не антитезис к необходимости, во всяком случае это не истинная свобода, это всего лишь "свобода".

Кроме состояний рабства и господства, предусматривающих друг друга и взаимно друг от друга зависимых, есть ещё одно состояние, - собственно Свобода.

Но как понять это состояние? Легче всего было бы подойти к его уразумению исходя из понятия о грехе, но мы его не касались. Интуитивно феномен свободы внешне можно уловить, встречаясь со святыми людьми, либо читая описания их жизни, их записи. Скажем, такие книги как записки Мотовилова о св. Серафиме Саровском, "Откровенные рассказы странника", вот уже около 50-ти лет не сходящий с мировой сцены бестселлер, либо "На горах Кавказа", или бесчисленные более скромные записи и свидетельства, много и западных книг, но я плохо с ними знаком, хотя "Цветочки" св. Франциска Ассизского, конечно, читал. Здесь наиболее адекватно отображен опыт свободы, как некоторого, несводимого ни к чему иному первофеномена.

Менее адекватное, скорее аналогическое впечатление можно получить из наблюдения над детьми и юродивыми. Последних всегда мало, а первых более чем достаточно. Вот играет ребёнок (чем младше - тем лучше). Поучительность и умильность этого зрелища необычайна. Сколько непосредственности и независимости в его действиях! Это каждый испытал и знает. Иначе как свободным поведение ребёнка трудно назвать. Но все его действия не подходят под антиномическую противопоставленность "необходимость - не необходимость", рабство - господство. Это нечто качественно иное. Конечно, не следует идеализировать: в ребёнке много, напоминающего взрослого, несвободного человека, но в общем и целом легко почувствовать эту качественную разницу.

Трудно всё это определить. Но попробуем. Бросается в глаза, что в чистой игре (когда ребёнок не связан воспитательным моментом, запретами взрослых) для него отсутствует выбор. Он не выбирает: делать или не делать то, что он хочет, а просто делает, что хочет. То есть для ребёнка не существует (с указанными оговорками) "нравственной личной оценки", принуждающей выбирать. Можно было бы предположить, что в таком случае поведение ребёнка подпадает под пункт 2) (произвол, анархия), - но не тут-то было.

Никакой анархии в творческой целенаправленной игровой деятельности ребёнка мы не обнаруживаем. Отпадают и 1) и 3). Ничего подобного нашей "свободе".

— Деятельность ребёнка целенаправлена (разумна), но (по нашему прежнему определению "свободы") никакого выбора внешней цели здесь нет. Здесь как бы сливается сам волевой акт и цель. Жизнь - в игре (творчестве), игра - цель, жизнь, наполненная конкретным содержанием, цель. Воля сосредоточена, личное сознание не дёргается в выборе, не расплывается, это целостное, цельное сознание. Целомудрие - вот ещё прекрасное слово, приближающее нас к понятию свободы. Дети целомудренны. В светском, внецерковном языке слово "целомудрие" приобрело незаконный характер, связанный с представлением о половой жизни. Отчасти это оправдано тем, что ребёнок теряет постепенно целомудрие с возрастом. При наступлении половой зрелости, как правило, он - уже существо банальное, нецеломудренное. Эти два процесса (рост и утрата цельности) идут параллельно, косвенно взаимозависимы, но онтологически, конечно, не определяют друг друга (можно жить половой жизнью и быть целомудреннейшим человеком). Так что здесь в светском языке произошла логическая путаница где-то 100-200 лет назад с общим духовным оскудением.

— К такой свободе и призывает Господь. Общеизвестны Его слова: "если не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное" (Мф. 18,3). Разумеется, Спаситель призвал не к инфантильному дурачеству ("не будьте дети умом"), но обращал внимание Своих учеников именно на детское целомудрие (и ум может стать целомудренным, но это уже у взрослых).

— Ещё интересную особенность в ребёнке можно подметить. Мы раньше заметили, что человеческая несвобода связана с отчуждением личности от природы, с постоянным переживанием принудительной объективности всего вокруг нас и даже внутри нас. Бытие в его цельности и неразобъёмности для нас как бы прикрито ("покрывало Майи"), всё не само-значимо, но воспринимается только относительно к нам, всё пред-стоит, объективируется, всё пред-метно. В ребёнке это часто не так. Его мало интересуют (до некоторого возраста особенно, - это потом появляется "почему", но не всегда, а временно) объективные соотношения в мире, каузальные связи (наука). Его внимание больше привлекает бытие как таковое. Разумеется, не выразимое в логических формулах, это переживание само-бытия всякой вещи бывает довольно острым: родные и близкие вещи, чужие и опасные, - все они интересны не потому, что они так-то и так-то сделаны или имеют тот или иной вид и функцию, а потому, что они просто существуют. Вещи эти могут сопротивляться, причинять боль, устрашать, - но это не безличная объективная необходимость, а их "личное" коварное, субъективное свойство. С предметами можно вступать только в безличные объективные отношения пассивности-активности. С "самобытными" вещами мира ребёнка - в личные отношения (я - ты) знакомства и многогранного общения.

— Рассматривая три возможных уровня познания, Аверинцев (пardon) называет такой "детский" способ познания созерцанием (в отличие от наблюдения предметных причинно-следственных связей (наука) и от усматривания нематериальной структуры вещей (эйдетика)).

— "Любой нормальный умственный опыт даёт понятие о наблюдении процессов и об усматривании структур ... Может быть, сложнее состоит дело с созерцанием бытия как такового. Так как во взрослом состоянии оно обычно оттесняется на периферию умственной жизни, то наилучшее понятие о нём могут дать, пожалуй, воспоминания детства. Каждый из нас помнит, как, оставшись один, перестав играть и притихнув, он переставал наблюдать, что делается с вещами, переставал рассматривать каковы вещи, и только вслушивался в их присутствие - все они были одинаково важны, безотносительно к своим функциям и к своему образу, и каждая из них была "сама по себе". Хотя такие переживания искони составляли материал для мистики, было бы весьма нелепо видеть в них самих по себе нечто мистическое; они в большей или меньшей степени присущи

любому человеку, находящемуся в нормальном обладании своих умственных и душевных способностей.

— У Гегеля (ещё раз пардон, но всё же это - вершина логики, и спорить с ним - безнадёжное дело), хотя к этому он приходит совершенно иными, формально-логическими путями (очень скучными для чтения), неожиданно согласно с нашими наблюдениями, свобода определяется так: "свобода - это отношение к предметному не как к чему-то чуждому" (т.е. снятие отчуждения). Гегель замечает при этом, что это предельно абстрактное определение свободы. Но мы видим на примере ребёнка (уж не знаю, насколько мне удалось на это намекнуть), как предельная абстракция может быть прочувствована как конкретная интуиция.

— (Кстати, столь же абстрактное определение истины у Гегеля: "Истина состоит в том, чтобы не относиться к предметному, как к чему-то чуждому" (т.е. адекватно быть субъектом и объектом "в одно и то же время"). Это почти то же, что свобода, только истина здесь выступает как реальность, а свобода как осознание этой реальности, сознательный акт вхождения в эту реальность.)

— А теперь, держа в уме эти наблюдения над миром святых и детей, а также гегелевские абстракции, обратимся снова ко взрослым, к себе самим, чтобы уяснить не детскую, а нашу свободу.

— Целую, твой иеромонах Ианнуарий.

— P.S. Прости за почерк: не пишу, а катаю, т.к. спешу.

2 мая 1979 г.

Продолжу, дорогой Сашок!

— Не знаю, насколько тебя удовлетворяют мои письма. Самого меня - нет. Дело в том, что речь идёт действительно о неких "первофеноменах", которые, составляя одно нерасторжимое целое в жизни, не могут быть объяснены сами по себе, чтобы не повлечь за собой целый клубок новых проблем. Дёргая за одну нитку, тянешь и другие. Таково уж свойство всякого живого единства. Аналогия в релятивистской физике. Понять отдельно, что такое время или масса или что-либо другое, - невозможно. Отдельно всё это просто и не существует (в противоположность механическим взглядам XVIII-XIX веков), но и понять в целостном единстве всё тоже невозможно: это целое может лишь улавливаться интуицией, данной в опыте.

— Так что ты, понимая трудность, стоящую передо мной, будь снисходительным.

— Но вернёмся к нашей свободе. Если действительно верна наша интуиция при взгляде на ребёнка, то о свободе можно сказать, что она есть некое беспрепятственное выражение вовне своей собственной сущности, своего содержания. "Я хочу и делаю то, что я хочу и делаю, и я не могу хотеть и делать что-то другое". В этом "не могу хотеть иное, нежели то, что я хочу", в отсутствии рефлексивных колебаний, неоднозначности, выбора, принудительности, - в этом и состоит вожделенная свобода, о которой мы вздыхаем, глядя на детей.

— Раз и навсегда нам надо расстаться с определением свободы через её противопоставление необходимости: "свободно то, что не необходимо, не однозначно определено". Такое понимание свободы обычно, но явно несостоятельно. Уже св. Фома Аквинский опровергал его, указывая на софизмы, к которым оно приводит. Эти софизмы в применении к абсолютной свободе или всемогуществу Бога известны: если Бог безусловно свободен, может делать всё, что угодно, то Он может, например, стать злым, или уничтожить самого Себя, или уступить своё место дьяволу, или ограничить Своё всемогущество и т.д. Этим нелепостям Фома противопоставил понимание безусловной

свободы или всемогущества Бога как беспрепятственного, ничем извне не ограниченного осуществления Себя Самого, обнаружения Своего собственного существа. Но в этом и состоит искомая и обнаруженная нами в ребёнке общая идея свободы.

— Свобода есть неподчинённость воздействию извне, действие только из себя самого, самоосуществление. Свобода совсем не есть возможность абстрактного "чего угодно", беспричинность, ничем не определённость. Да, внешне - именно не определённость, но зато она - полная определённость самим собой, самодостаточность самовыражения, единственное, что у меня есть.

— Ещё раз: "я так хочу, потому что иначе я хотеть не могу, и даже мысли об ином хотении у меня возникнуть не может". Ребёнок играет не задумываясь о том, что он играет: он просто играет, потому что он играет. Это есть его единственно возможное сейчас состояние, ничем извне не определённое, никакого выбора и сомнений не имеющее, но не анархическое, а сосредоточенное и целиком внутренне определённое личным содержанием ребёнка. Он сейчас не может не играть. Разве применимо к этой ситуации понятие рабства (или господства)?

— У блаж. Августина за 1000 лет до св. Фомы это выражено в афоризме: "Велика свобода - быть в состоянии не грешить, но величайшая свобода - не быть в состоянии грешить".

— Я настойчиво призываю тебя вдуматься в это и прочувствовать это. Я выражаюсь невнятными тавтологиями, но на большее я не способен. Это действительно некая первичная данность, не сводимая ни к чему иному. Это всё равно как у материалистов: "Что такое материя?" "А это единственная существующая реальность, постигаемая в движении". "А что такое движение?" "Это форма существования материи" и т.д.

— Можно спросить: но чем же это ребячье "хочу и не могу иначе хотеть" отличается от камня, который падает и не может не падать? Ответ будет столь же невнятен, сколь и самоочевиден. "Тем же отличается, чем ребёнок отличается от камня". Тайна этого отличия в личности, а тайна личности в свободе, а тайна свободы в личности и т.д. Если человек не ощущает отличие человека от камня не по набору физических, выразимых в науке признаков, но отличие радикальное, ни к каким научным описаниям не сводимое, то разговор, конечно, будет бесполезен.

— Личность - вот тот данный и в то же время как объект непостижимый центр, в который всё упирается. Объяснить личность - всё равно что объяснить бытие. Личность - прорыв всякого объяснения, всякой природной заданности и в то же время - данность. Личность укоренена в реальности, и в то же время способна сознавать себя автономной. Здесь что ни фраза - парадокс. Личность - это парадоксальное ядро автономности, сознательного самовыражения и в то же время его контроля.

— Потенциально я чувствую бесконечность своего содержания. Но пути самовыражения ограничены. Как это ещё уяснить?

— Ну вот ещё одна скудная аналогия. Произведём замену: всё доступное моему сознанию бытие - большое предприятие, руководимое и разделённое на частные цеха и лаборатории. Всё пронизано единой мыслью. Моё частное благо, естественно, не может быть чем-то отличным от блага всего предприятия в целом, ибо я принадлежу сам этому бытию. Моё личное содержание, отличающее меня от всего остального, - быть заведующим определённой лаборатории. Это дано мне "от природы".

— Итак, я - начальник лаборатории. В моём сознании множество творческих планов. Очевидно, что в отрыве от других лабораторий, от всего предприятия в целом и от его руководства реализация моих планов будет немыслима, да и сами планы грозят превратиться в анархические фантазии. Очевидно и то, что сама автономность, власть, мне данная, не безосновна: её основание и принцип - в руководителе предприятием. Он взял меня в сотрудники, он наделил меня властью и был причиной реализации моей потенциальной творческой автономности. Власть моя, как начальника лаборатории, не самобытна, но делегирована. А далее:

___1) Осознав свою власть как безусловную автономность (гордость: я впал в гордыню), поняв её не как делегированность, а как самовластие, я вступаю в глубокое заблуждение, теряю представление о реальности, вступаю в конфликт с окружающей действительностью, страдаю от невозможности самовыражения, и всё это неминуемо кончается унынием, наказанием, безумием и крахом.

___2) Осознав свою власть как некую мнимость, приписав полноту власти только начальству, я отказываюсь от творчества, стремлюсь стать пассивным медиумом воли вышестоящих инстанций, становлюсь добровольным рабом (но "рабом лукавым и ленивым" (Мф. 25,26), скрывшим свой талант в земле) - рабом необходимости, осознанной как внешняя сила. Как творческая личность, обладающая свободой самовыражения, я перестаю быть, и долго меня на работе не потерпят.

___3) Прочувствовав небезосновательность своей власти, соотносясь с реальностью своего положения, я стремлюсь в активном сотрудничестве с вышестоящими и нижестоящими инстанциями осуществлять свои творческие планы, т.е. осуществлять своё предназначение быть хорошим завлабом.

___Именно если понять, что моё личное содержание, моя самость и неповторимость состоят в том, чтобы быть хорошим завлабом (иного у меня просто нет и быть не может: это и есть моё сокровенное Я), - становится ясным, что свобода, достигаемая на пути беспрепятственного самовыражения, будет принадлежать мне только в том случае, если я откажусь от гордости (смирение) и от ленивой покорности (подвиг, творчество).

___Конечно, на этом пути никаких препятствий я и не встречу, т.к. мой собственный интерес завлаба будет совпадать с интересом всего предприятия (ведь оно - единственно, как и лаборатория моя - единственна, неповторимая часть всего целого).

___Никакой внешней необходимости здесь уже нет, если не понимать под необходимостью быть самим собой (свобода как осознанная внутренняя необходимость, - как это и понимается у Гегеля; отбросим слово "внутренняя", - и мы получим бессмысленную формулу материализма). Но "быть самим собой" назвать необходимостью - уже опасная игра слов, - т.к. это единственное, что мне дано, это осознание единственной истины. Противоположным может быть только "быть не самим собой" (утрата истины своего содержания, безумная попытка влезть в дела другой лаборатории или на место самого директора), что и ведёт к конфликту с появляющейся именно в этом случае "внешней необходимостью" (что и следует во избежание путаницы называть просто "необходимостью"). Противоположным может быть также "не быть самим собой" в смысле "не быть вообще" как личность (ленивый или трусливый отказ от самовыражения), что опять же ведёт к конфликту с реальностью.

Так я понимаю свободу. Состояние, противоположное свободе, называется отчуждением (столкновение с объективной необходимостью), имеющим разные аспекты (нравственный - грех; эмоциональный - страдание; физический - зло; завершение своё отчуждение находит в манифестации бессмысленности человеческого существования - в смерти).

Если я несвободен, то процесс перехода от несвободы в свободу называется освобождением или спасением (*вот она связь: свобода - спасение (прим. моё)*). Если не я сам себя спасаю, а кто-то это делает, то этот кто-то называется спасителем.

Теперь вспомним то определение Спасения, которое дано в V томе Философской Энциклопедии.

"Спасение (греч. σωτηρια, лат. salus) - предельно желательное состояние человека, характеризующееся избавлением от зла - как морального (порабощённости греху), так и физического (смерти и страдания), полным преодолением отчуждения и несвободы. Спасение выступает как конечная цель религиозных усилий человека и высшее дарение со стороны Бога...

— Наиболее радикальной противоположностью теистической идее спасения в новоевропейскую эпоху выступает социальная и техническая утопия, ставящая на место подаренного Богом трансцендентного сущего посястороннее будущее, планируемое самими людьми, которые планируют при этом и свою собственную сущность. Утопический социализм ... нередко принимает внешние черты религиозного сальвационизма. В особенности это относится к крайне реакционным утопиям фашизма, в центре которых стоит образ "вождя", окружённый псевдомистическим ореолом носителя эсхатологического спасения. Подобная же имитация религиозной веры в "спасителя" характерна для идеологии современного китайского маоизма" (Аверинцев, 1970 г.).

— Похоже на то, что мы рассматривали, что упоминали и разбирали во всех 1), 2), 3)...

— А поскольку мы вернулись в самое-самое начало нашей переписки, то я предложил бы вспомнить, о чём там шла речь. Речь шла о спасении как снискании смысла жизни.

— Смысл жизни мы обнаружили в гипотетической разумности, оправданной целесообразности жизни в абсолютном умысле. Несложные рассуждения привели нас к тому, что если смысл у жизни есть, то он должен быть 1) возвышающимся над метаморфозами объективной действительности (т.е. вечным), 2) быть основанием моей жизни, принципом бытия вообще (абсолютом); 3) быть мне объективно данным как нечто, 4) быть неотторжимым от моей жизни, субъективно переживаемой моей жизнью; 5) быть не продуктом моих измышлений и напряжений, а действовать во мне сам (т.е. быть истиной) - по сути дела это просто синтез 3) и 4) и 6) поскольку жизнь, даже осмысленная, понимается не как неподвижная цель, а как процесс, как путь, то и смысл понимается не как конечная точка в жизни, а как жизненный путь. - Абсолютное бытие как Жизнь, Истина и Путь.

— В моём обычном состоянии ничего такого мне не дано, но может представляться лишь как желательное состояние.

— Начиная рассуждать о свободе мы определяли также, что свобода есть 1) произвольный выбор цели и 2) беспрепятственное продвижение к цели, т.е. в общем свобода выявляет себя относительно цели как реализуемая целесообразность, разумность. И если мы цель перенесём извне (ибо это нас не удовлетворило) вовнутрь, если целью мы поставим саму нашу жизнь как реализацию нашего существа, самовыражение (что мы и проделали в последних письмах), то мы получим какую-то близость, если не сказать тождество свободы с прежде обсуждённой оправданностью, осмысленностью жизни. Это и понятно. Дёргая за одну нитку, тащишь весь клубок.

— *Итак: смысл жизни в освобождении, спасении, преодолении отчуждения, самовыражении, нахождении самого себя, ... своего места в жизни... (прим. моё).*

— И здесь и там чисто абстрактно вопрос заострился на том, осуществим ли реально смысл жизни, достижима ли реально свобода, возможно ли спасение?

— Свобода, смысл, блаженство, абсолютное благо - это всё разные грани одной и той же реальности (хотя бы пока мыслимой, умозрительной); как энергия и масса - аспекты одного и того же. Лишь от позиции зависит называть это Нечто так или иначе: само по себе оно - одно.

— Бог открывается мне в моём личном сознании как принцип бытия вообще и моего в частности. Нет ничего, что не было бы охвачено Его всеприсутствующей реальностью или Его реальным всеприсутствием. Он Сам - сама реальность. Я сам со всем моим личным благом и свойственной ему автономностью - не слепое порождение слепого случая, а продукт сознательного самовыражения одной и той же реальности, которая обнаруживается и в камне и в червячке. Это - самоочевидность, которую невозможно разложить далее. То,

что я называю и ощущаю как своё личное сознание - действие во мне всё той же реальности (в образе Логоса, сознания). Мне дана (делегирована) известная автономность. Я могу пользоваться ею себе на пользу, во вред или совсем не пользоваться ею.

— Я могу, например, осознав свою неслучайность в бытии, обратиться к источнику своего существования, к Личному Богу - Бытию, войти с Ним в личные отношения творческого сотрудничества, которое само уже будет моим самовыражением и одновременно, через моё самовыражение Божественное самовыражение во мне.

Поскольку Бог - начало и принцип не только моего существования, но и существования всякой твари, то, естественно, и всё сущее отселе не будет предстать мне как что-то предметно чуждое. Всё будет исполнено общего со мною и с Богом (что будет уже одно и то же) смысла, всё войдёт в сферу моей обретенной свободы. Что бы я ни делал, чтобы я ни желал - всё это будет так и только так, и не иначе. Мне, как истинной скинии Бога Живого, и весь мир будет являться такой же скинией, осенённой, как и я сам сиянием Его славы.

— Я могу отказаться от личного общения с Богом, могу забыть о Нём или не знать Его, но таким образом я теряю сознательную связь со своим же собственным содержанием. Разумеется, я не выхожу из сферы безличного отношения к Бытию (как и кошка или камень), но истинному самоосуществлению, как и Божественному самовыражению через меня, уже места не будет. Не получая реальной основы, моя личная потенциальность творчества будет метаться в неприкаянности, без должного определения разрастаясь подчас в безумные страсти. Моя природа и окружающий мир будут мне противопоставлены, лишь изредка обнаруживая для меня в себе что-то родное и близкое.

— Я могу знать о Боге, но оставаться равнодушным к Нему, а следовательно, и к себе. Моя хата с краю, что будет то будет; это "сберегающие свою душу", которые по словам Спасителя её и потеряют.

— Конечно, это грубейшие схемы, и действительность никогда не бывает такой простой, всё гораздо сложнее и многообразней.

— (продолжение следует)

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)